

В. Д. Полков**ОСОБЕННОСТИ АДАПТАЦИИ РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ
В БЕРЛИНЕ (1990-е годы)**

Быстрые изменения, особенно в последние годы, придали Берлину новый отпечаток мультикультурности. Представители других культур, приезжая в Берлин, вступают в контакт с коренным населением обеих частей города и приносят свои обычаи, стереотипы, мировоззрение, стиль жизни и систему ценностей, характерные для своей культуры. Как отмечают исследователи, «в Берлине, как и в других районах с высокой плотностью населения, наблюдается рост различных проблем. Одной из этих проблем является увеличение расходов на социальную сферу, в связи с чем постоянно растет финансовая нагрузка на население города. Это оказывает негативное влияние на взаимодействие между различными группами населения: возрастают негативные установки в отношении иностранцев, которые подвергаются обвинениям, причем часто в обобщенной форме. Для немецкого населения характерен страх перед якобы слишком большим количеством иностранцев, что вызывает стремление к их вытеснению. С другой стороны, многие представители иностранного населения чувствуют себя обманутыми. Таким образом, налицо явные признаки «этнизации» социальных конфликтов, когда причиной ухудшения своего положения люди считают иностранцев» [1, S. 7].

Контакты между немецким населением и этническими мигрантами характеризуются переплетением социально-экономических, политических и национальных противоречий. Однако в восточной и западной частях города это проявляется различным образом.

Различие в восприятии мигрантов восточными и западными берлинцами подчеркивается многими исследователями, и причины такого различия – предмет пристального внимания и интереса общественности Берлина. Различное восприятие иностранцев «восточниками» и «западниками» четко прослеживается и в проведенном нами исследовании.

Прежде чем рассмотреть особенности адаптации русских в Берлине, необходимо пояснить, что в настоящей статье понимается под термином «русские». Не секрет, что значительное число выходцев из бывшего СССР воспринимается немцами как «русские». Часть мигрантов, в свою очередь, также ощущают себя русскими, хотя в официальных документах они чаще всего фигурируют

Полков Вячеслав Дмитриевич (р. 1966) – доктор философских наук, старший преподаватель Калужского государственного педагогического университета им. К.Э. Циолковского.

Адрес: 248016, Калуга, ул. Ленина, д. 63/10, кв. 65.

Тел./факс: (0842) 57-36-67.

как немцы или евреи. В связи с этим обстоятельством, опрашивались в основном те люди, которые приехали в Берлин как «этнические» русские. Часть опрошенных составляют респонденты, приехавшие в Берлин как евреи, но считающие себя русскими, т.е. идентифицирующие себя только с русской культурой, и использовавшие еврейство лишь как удобный способ для эмиграции. «Русские» немцы не опрашивались. Следует сказать, что основную массу прибывших в последние годы в Берлин (и в Германию вообще) этнических русских составляют члены семей «русских» немцев и «русских» евреев. Весьма незначительную часть составляют русские, состоящие в браке с гражданами Германии, высококвалифицированные специалисты, а также русские, нашедшие работу и оставшиеся в Берлине в 1989–1991 гг., когда на волне воссоединения Германии и падения берлинской стены вид на жительство можно было получить относительно легко.

Интервью проводились только с эмигрантами последней волны, т.е. уехавшими из СССР (СНГ) в начале перестройки и позднее. Самый большой эмигрантский «стаж» в группах опрошенных составил 12 лет; самый маленький – 2 года. Еще одним критерием отбора респондентов был уровень образования: половина опрошенных в каждой группе имеет высшее образование.

Специфика проекта (исследование дисперсно рассеянных этнических групп) предопределила метод формирования выборки – метод «снежного кома». В рамках исследования было проведено несколько серий глубинных интервью. В восточной части Берлина было опрошено 15 немцев и столько же русских; в западной – 17 немцев и 15 русских. Интервью проводились на немецком и на русском языках.

Опрос проводился с апреля по ноябрь 1997 г. По данным статистической службы Земли Берлин число немцев в Берлине составляет 2 969 176 чел. (87,03%); число официально зарегистрированных русских в Берлине составляет 7002 чел. (0,21%) [1, С. 6–7]. По ряду других оценок, количество русских в Берлине составляет около 100 тыс. чел. В это число входят «русские» немцы и еврейские переселенцы [2, С. 19].

Основой исследования стали теория позитивного конфликта и теория аккультурации Дж. Берри [3, С. 173–174]. Согласно первому подходу, конфликт принимается как естественная и неизбежная часть процесса социокультурной адаптации этнических групп. Теория Дж. Берри предполагает четыре стратегии аккультурации: интеграцию, ассимиляцию, сегрегацию и маргинализацию.

Под успешной адаптацией понималось овладение мигрантами незнакомой культурой вплоть до достижения полной социальной адекватности в ней. Это соответствует типу «интеграция». Под неуспешной адаптацией понималась адаптация по типу психологической защиты или изоляции в новой культуре, чему соответствуют типы «маргинализация» и «сегрегация».

Поскольку данное исследование было посвящено групповой адаптации, ассимиляция во внимание не принималась. Ассимиляция рассматривалась как процесс, который происходит на индивидуальном уровне сознания. Индивид рассматривался не изолированно, а как

представитель одной из этнических групп. Поэтому как вариант групповой стратегии адаптации, ассимиляция не анализировалась – это актуально для тех случаев, когда речь идет о сохранении этнической группы как единого целого. Интеграция (и этническое сохранение) расценивалась как наиболее успешный результат адаптации. Маргинализация расценивалась как самый неудачный вариант стратегии адаптации. Вопрос формулировался таким образом, чтобы понять, какие факторы приводят к изоляции группы (т.е. препятствуют интеграции).

Следует отметить, что адаптация русских в западной и в восточной частях Берлина идет разными путями. Тем не менее, существует несколько общих характеристик, которые идентичны как для западной, так и для восточной группы русских.

Во-первых, для обеих групп русских мигрантов характерен очень низкий уровень относительной депривации. Он заметно ниже, чем в группах турок, поляков и вполне сравним с уровнем относительной депривации групп коренного населения. Уточним, что относительная депривация есть субъективное восприятие членами этнической группы различия между ценностями-ожиданиями и ценностями-возможностями. Другими словами, это разрыв между реальной и ожидаемой ситуацией. В случае с русскими мигрантами этот разрыв оказался минимальным. Очевидно, что для многих русских мигрантов в качестве выталкивающего фактора служили не только экономические причины: многих вытолкнула нестабильность политической обстановки, неопределенность, отсутствие социальных гарантий или военные конфликты. Большинство уезжали из страны навсегда, не собираясь возвращаться обратно, поэтому отъезд для них был связан с тяжелым стрессом. Фактически оказалось, что отсутствие в новой стране многих проблем (в сравнении с предшествовавшей ситуацией, например, неопределенности, криминальности, агрессии или даже стрельбы) стало позитивным фактором. По-видимому, именно этот факт и определяет столь низкий уровень относительной депривации русских, что полностью соответствует теории ценности ожиданий, согласно которой адекватность ожиданий мигрантов от жизни в новой среде прямо влияет на их адаптацию [4, р. 57]. В отличие от групп поляков и турок, многие русские ощущают себя в Берлине более комфортно, чем на родине. Этот факт стимулирует адаптацию русских и усиливает тенденцию к ассимиляции.

Во-вторых, группы русских мигрантов имеют довольно высокий уровень дохода, особенно в западной части города (средний показатель дохода на каждого члена семей опрошенных для западной и восточной групп русских составил 1600 DM и 1315 DM соответственно). В западной части города это самый высокий уровень дохода среди трех обследуемых групп мигрантов.

В-третьих, потенциальная готовность русских к межнациональным бракам с немцами очень высока, и, что очень важно, принимающее население в обеих частях Берлина настроено точно так же. Следует сказать, что разговор здесь идет в основном о детях мигрантов, поскольку подавляющее число

респондентов в данном вопросе уже определилось. Таким образом, речь шла о возможном приобретении мигрантами родственников-немцев вследствие брака детей. «Я думаю, что так оно и случится. Если мой ребенок вырастет в этой стране, то к 10 годам он уже будет абсолютным немцем. Поэтому национальность здесь не играет для меня никакой роли. Главное дело в воспитании».

Особо следует отметить, что обе группы русских, как в западной, так и в восточной частях Берлина, воспринимают немецкую культуру совершенно одинаково. Индекс культурной дистанции* для обеих групп русских составил 3,2. Это означает, что немецкая культура воспринимается русскими двояко, противоречиво: с одной стороны, респонденты отмечают довольно много точек соприкосновения, «существует много общего»; с другой стороны, различия между русской и немецкой культурами считаются достаточно значительными, чтобы безболезненно избежать этнического отчуждения и преодолеть культурные противоречия.

На этом сходство между русскими группами заканчивается. Так, в западной и в восточной группах русских наблюдается разное отношение к принимающему населению. В восточной части Берлина русские показывают более высокий уровень толерантности (позитивности восприятия другой группы) к немцам, чем на западе города. Характерно, что у коренного населения наблюдается такая же тенденция: восточные берлинцы склонны более позитивно воспринимать русских, чем западные. Хотя следует отметить, что уровень толерантности как западных, так и восточных берлинцев достаточно высок по отношению ко всем исследуемым группам мигрантов.

По всей вероятности, низкая толерантность русских в отношении западных берлинцев является следствием неудачной попытки переноса собственных ценностей (во многом схожих с ценностями восточных немцев) на западные отношения. Как отмечают сами русские мигранты, «многих русских, которые живут здесь, не интересует ни немецкая культура, ни сами немцы, даже язык. Многие стремятся жить так же, как и в России, т.е. обокрасть, обмануть государство, которое им дает деньги; получать "социал" (социальная помощь) и еще нелегально работать».

Этот факт не остается незамеченным для немцев. По мнению многих западных берлинцев, это негативно сказывается на их отношении к русским мигрантам.

«...Кроме всего прочего, русские мигранты привозят оттуда менталитет, который господствует там и которого здесь просто нет. А именно менталитет, из которого следует, что народ и государство есть две различные, противоположные вещи. Я должен обманывать государство, насколько это возможно, поскольку оно меня все время обманывает. Они привозят этот менталитет с собой и думают, что это

* Различие восприятия между культурами (культурная дистанция) определялась на основании субъективного суждения опрошенных о степени схожести/различия между их собственной и другой культурой. Считалось, что культурная дистанция между двумя этническими группами тем меньше, чем более похожей на свою собственную кажется для опрашиваемых другая культура. Измерения шкалы лежат в пределах от 1 («Наши культуры очень похожи, существует очень много общего») до 7 («Наши культуры вообще непохожи, нет вообще ничего общего»).

государство точно так же враждебно им, как и людям, которые здесь живут. И они совершенно не в состоянии постигнуть, что люди в своем большинстве идентифицируют себя с этим государством; гораздо больше, чем это делают русские... Русские идентифицируют себя с понятием "родина"... Эта тенденция есть у всех живущих здесь русских...»

Показатель участия в контактах с коренным населением* в восточной группе русских мигрантов несколько выше, чем в западной и составляет 5,2 и 4,7 соответственно. Это означает, что контакты русских с восточными немцами несколько «глубже», можно сказать, качественнее. То есть, русские имеют более тесные связи с восточными берлинцами, чем с западными; у них больше друзей среди восточных берлинцев, хотя частота контактов и на востоке, и на западе города одинаково высока.

Принимающее население на востоке города также контактирует с русскими чаще, чем западные берлинцы. В основе такого отличия, как нам кажется, лежит то, что для восприятия западных берлинцев русская культура гораздо дальше, чем для восточных. Для жителей восточного Берлина индекс культурной дистанции равен 2,8; для западных берлинцев – 3,4. Это показывает, что количество культурных совпадений русских с восточными берлинцами заметно выше, чем с западными, т.е. культурный шок и внутренний конфликт в ходе адаптации легче преодолевается в контакте с восточниками.

Вопрос конфликтности адаптирующихся групп и ее влияние на процесс адаптации представлял особый интерес для исследования. Согласно теоретическим основаниям нашего исследования, конфликт рассматривается как естественная и неизбежная часть процесса социокультурной адаптации этнических мигрантов. Отсюда вытекает, что конфликтность группы есть не что иное, как постоянно присутствующая, изменяющаяся во времени и отличная от нуля характеристика группы.

Конфликтность группы этнического меньшинства подсчитывалась по трем составляющим.

* Показатель участия в контактах с коренным населением рассчитывался посредством двух составляющих:

- показатель «поверхностности»/«глубинности» контактов группы с коренным населением;
- субъективная оценка респондентами частоты контактов с коренным населением. В соответствии с первым пунктом, опрашиваемые должны были оценить, насколько близкими/далекими являются для них представители коренного населения (либо насколько близкими/далекими воспринимаются респондентами эти отношения). Шкала возможных ответов определялась континуумом: от 1 – другой, незнакомый человек; до 7 – муж/жена.

Суммарный показатель для группы определялся по формуле $I=V/n$.

n – число опрошенных; V – индивидуальный показатель.

Согласно второму пункту, респондентам задавался вопрос «Как часто Вам приходится общаться с немцами/русскими?». Принималось, что преобладание ответов типа «поровну», «часто», «очень часто» говорит о высокой частоте контактов опрошенных с данной группой. Преобладание ответов типа «редко», «очень редко», «почти никогда» показывает низкую частоту контактов с данной группой.

1. Реальное участие группы в конфликтах, т.е. совокупность конфликтов, в которых принимала участие группа (фактическое участие группы в конфликтах).

2. Степень восприятия членами данной группы конфликта с другими группами (воспринимаемый конфликт).

3. Потенциальная готовность (установка) членов данной группы на возможное участие в конфликтах.

Как в западной, так и в восточной группах русских восприятие конфликта заметно выше, чем реальное участие в нем. Причем существует четкая тенденция к тому, что примерно одинаковая часть русских в обеих частях города (треть опрошенных) склонна воспринимать отношения между немцами и русскими как конфликтные.

«Средний немец воспринимает Россию как какую-то подсознательную угрозу, Россия воспринимается в лучшем случае настороженно, в худшем случае отрицательно, и поэтому этот конфликт несомненно есть. Со стороны русских немцы воспринимаются часто весьма настороженно, особенно со стороны старшего поколения. Как известно, Гитлер пришел к власти демократическим путем, и старики смотрят на немцев еще теми глазами. Новое поколение... у них тоже проблемы. Связаны они с тем, что немцы не принимают в своей массе русских, по причине, что Россия и русские воспринимались всегда негативно. Вот эти проблемы существуют с двух сторон».

Показатель потенциальной готовности групп русских на возможное участие в конфликтах также одинаков для обеих групп и находится на низком уровне. Однако показатель реального участия в конфликтах в восточной группе русских несколько выше, что делает восточную группу более конфликтной. Тем не менее, суммарная конфликтность обеих групп русских заметно ниже, чем у поляков или у турок, что делает русских мигрантов более «благополучными».

На наш взгляд, относительно высокая конфликтность восточной группы русских обусловлена более жесткой поляризацией отношений к русским на востоке Берлина в рамках «плохо – хорошо». Западные берлинцы относятся к русским гораздо ровнее, нежели их восточные сограждане. Это тем более интересно, что суммарная конфликтность немецкого населения в отношении русских примерно одинакова на западе и на востоке города. Причем реальное участие в конфликтах с русскими в обеих частях города равно нулю. Однако у западников восприятие конфликта в отношении русских несколько выше.

Вероятнее всего, для западных берлинцев русские все еще являются совершенно незнакомой группой (в сравнении, например, с турками или поляками); основная масса информации о русских приходит не через прямые контакты, а через СМИ. «Многие немцы ничего не знают о русских. Они не сталкиваются с ними нигде и никогда. Все, что они знают о русских, они видят по телевизору, слышат по радио, читают в газете. Все. И поэтому они создали себе клише русского исходя из вот этого, когда они говорят, что русские – мафия и опять русские в Берлине. Они это говорят, но они ничего не знают об этом. Не знают совершенно. Я даже не могу сказать, что это мнение».

Они столкнутся с русским – они его начнут узнавать, что мне в немцах нравится. Несмотря на то, что у них есть определенное клише в голове. Но они открыты сейчас. А в принципе, у них нет отношения пока к русским. У западников. У ГДРовцев есть, но об этом я сейчас не говорю».

Различными являются и точки зрения на характер и причины конфликта с русскими у западников и восточников. Так, некоторые западные берлинцы до сих пор склонны видеть конфликт двух систем или двух сторон, на одной из которых находятся русские, а на другой немцы и весь «цивилизованный» мир.

Конфликт происходит «не только между русскими и немцами, но и между русскими и западноевропейцами. Из-за краха коммунистической идеологии. Идеология, которой придерживался Советский Союз, оказалась, так сказать, на свалке истории. И теперь люди чувствуют себя побежденными, уступившими... Русские чувствуют себя уступившими, немцы чувствуют превосходство, как и западноевропейцы, как и американцы. У меня создается такое впечатление, что об этом не говорится открыто, совсем наоборот, всегда утверждается, что теперь все заодно. Но я бы сказал, что это скрытый конфликт. Конфликт протекает таким образом: одна общественная модель потерпела крах; и теперь, на западе немного лучше. И за этим практически стоит следующее: все-таки вы более успешны... Это просто фатально».

«Я думаю, что русские видятся здесь в Берлине как мафия, что русские приезжают, и вместе с ними приходит что-то криминальное. Это выражается в недоверии по отношению к русским. Многие думают: «Осторожно, что это еще за тип!»»

Реакция восточных берлинцев в отношении русских заметно отличается от реакции западных. Хотя и здесь русские также связываются с криминальными событиями в обществе, основные противоречия и причины конфликта заключаются в другом:

«Восточные немцы не очень-то ждут русских, это отличается от реакции западных. Русские уже были в восточной Германии, и я думаю, что есть определенная ненависть со стороны восточных немцев по отношению к русским из-за оккупации. Это все еще сидит в головах восточных немцев... Это все еще внутри, хотя и не сильно выражено».

«В отношении русских люди испытывают из-за войны более сильные негативные эмоции, чем в отношении поляков. Поскольку именно русские победили, поскольку именно русские были здесь, поскольку они поддерживали режим ГДР. У пожилых людей, я думаю, эмоции проявляются более сильно и негативно, чем в отношении поляков. Что же касается современности, то возникновение конфликта возможно лишь из-за экономических проблем. Это никак не конфликт культур. Но потенциально я все же не вижу какого-либо значительного конфликта».

Вообще на сегодняшний момент следует отметить четкую тенденцию, указывающую на то, что достаточно большая часть берлинцев (как восточных, так и западных) склонна воспринимать отношения со многими мигрантами (в частности, с поляками и турками) как конфликтные. Русские исключением не

являются. Тем не менее, в отношении русских (и поляков) это проявляется только на уровне восприятия конфликта, но никак не выплескивается наружу. Чаще всего назывались две причины конфликтного восприятия русских: экономическая конкуренция (эта причина универсальна для всех групп мигрантов и называлась чаще западными берлинцами); и вторая причина, действующая только в отношении русских и получившая более широкую поддержку среди восточных берлинцев, — это исторические особенности взаимодействия двух народов. Под этим понимается, в первую очередь, война и поддержка Советским Союзом режима Хоннекера.

После падения режима ГДР восточные берлинцы оказались, по сути дела, расколотыми на два лагеря в своем отношении к прошлому и, соответственно, к русским. Многие русские респонденты отмечают такое двойственное отношение восточных берлинцев к русским:

«... а для восточников мы как бельмо в глазу. Не для всех, конечно. Многие настроены очень тепло к русским. Но свое чувство неполноценности перед западниками они часто ставят в вину русским. Русские во всем виноваты».

Тем не менее, следует сказать, что конфликтность русских в обеих частях Берлина заметно ниже, чем в группах поляков и в особенности турок, что, по всей вероятности, не оказывает существенно негативного влияния на ход адаптации русских. Частые контакты с немецким населением в обеих частях Берлина и высокая готовность русских к расширению таких контактов четко говорит о постепенном продвижении групп к интеграции. Обращает на себя внимание лишь различный характер адаптации групп русских на востоке и на западе города. На западе Берлина адаптация идет заметно сложнее; все же следует заметить, что и в западной части отсутствует какая-либо тенденция к изоляции русских со стороны коренного населения, как и тенденция самоизоляции группы. Это представляется особенно важным, поскольку является одной из существенных предпосылок будущей интеграции группы.

Повышение конфликтности в восточной группе русских, по всей видимости, является отражением внутринемецкого конфликта между «западниками» и «восточниками». Повышенная конфликтность характерна не только для русских, но также и для поляков и турок. И те, и другие на востоке Берлина показывают более высокий уровень конфликтности. Различие заключается лишь в том, что русские, в силу сохранившихся относительно глубоких контактов со времен ГДР и общности старой идеологии, еще вызывают симпатии части населения восточного Берлина и легче вступают в контакты, что облегчает их адаптацию. Действительно, контакты русских с «восточниками» заметно глубже, чем с «западниками». Вне сомнения, русские легче адаптируются в восточной части Берлина и, на данный момент, обладают более высокими шансами на будущую интеграцию именно на востоке города.

Литература

1. Top Berlin international: Ein Informationsforum // Senatsverwaltung für Gesundheit und Soziales-Ausländerbeauftragte. 1997. № 1. Januar.
2. Russen in Berlin // Die Zeit. 1998. № 18, 23. April.

3. Berry J. Acculturation and Psychological Adaptation // Migration-Ethnizität-Konflikt: Systemfragen und Fallstudien. 1. Aufl. / Hrsg. von K.J. Bade. Universitätsverlag Osnabrück, 1996.

4. Krupinski J. Psychological maladaptation in ethnic concentrations in Victoria, Australia // Cultures in Collision. Adelaide, 1975.

Дополнительная литература

Лебедева Л. Социальная психология этнических миграций. М.: РАН, 1993.

Стефаненко Т.Г., Шлягина Е.И., Ениклопов С.Н. Методы этнопсихологического исследования. М.: Изд-во МГУ, 1993.

Шабанова М. Ценность и цена свободы выбора в процессе социальной адаптации к рынку // Социологические исследования. 1995. № 4.

Berry J. Acculturation and adaptation in a new society // International Migration. 1992. № 30.

Bochner S. The social psychology of cross-cultural relations // Cultures in Contact: Studies in Cross-Cultural Interaction. Oxford: Pergamon, 1982.

Coser L. Theorie sozialer Konflikte. Neuweid; Berlin, 1965.

Dahrendorf R. Soziale Klassen und Klassenkonflikt in der industriellen Gesellschaft. Stuttgart, 1957.

Dahrendorf R. Der moderne soziale Konflikt: Essay zur Politik der Freiheit. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1992.

Esser H. Aspekte der Wanderungssoziologie: Assimilation und Integration von Wanderern, ethnischen Gruppen und Minderheiten: Eine Handlungstheoretische Analyse. Darmstadt; Neuwied: Luchterhand, 1980.

Esser H. Ethnische Differenzierung und moderne Gesellschaft // ZfS. 1988. Jg 17. № 4. 1988. Juni.

Esser H. Die Mobilisierung ethnischer Konflikte // Migration-Ethnizität-Konflikt: Systemfragen und Fallstudien. 1. Aufl. / Hrsg. von K.J. Bade. Universitätsverlag Osnabrück, 1996.

Furnham A., Bochner S. Culture Shock. L.; N. Y.: Methuen, 1986.

Integration ist machbar: Ausländer in Deutschland / Hrsg. von W. Benz. München: Verlag C.H. Beck, 1993.

Penninx R., Schoorl J., Praag C. van. The impact of international migration on receiving countries: The case of the Netherlands. The Hague, 1994.

Rapoport A. Kämpfe, Spiele und Debatten. Drei Konfliktmodelle. Darmstadt: Verlag Darmstädter Blätter, 1976.

Richter H.B. Probleme der Zuwanderung am Beispiel Berlins // Aus Politik und Zeitgeschichte. Beilage zur Wochenzeitung «Das Parlament» / Hrsg. von der Bundeszentrale für politische Bildung. 1997. Bd. 46. № 7. November.

Schmid J. Migration und Konflikt: Ansätze zum Paradigmawechsel in der Wanderungsforschung // Münz R., Korte H., Wagner G. (hrsg.). Internationale Wanderungen. Berlin, 1994.